

Андрей Лазарев

ИЛЛЮЗИЯ НЕОДИНОЧЕСТВА

Скифия
Санкт-Петербург
2019

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 882
Л17

Андрей Лазарев

ИЛЛЮЗИЯ НЕОДИНОЧЕСТВА

Лазарев А.

Л17 Иллюзия неодинокства. — СПб.: Издательско-Тор-
говый Дом «Скифия», 2019. — 228 с.

В повести «Интеграция» автор обращается к извечной теме самосто-
яния — обретения человеком себя посредством поиска внутреннего «Я»
перед лицом объективной реальности. Акцент повествования отсылает
читателя к важности гармоничного сосуществования мира внутреннего
с миром внешним вне зависимости от жизненных обстоятельств.

В рассказах, вошедших в сборник, автор, в свойственной ему
манере бескомпромиссного реализма, поднимает темы карельской
деревни, стоящей на пороге вымирания. Ряд произведений посвящен
проблематике пагубного влияния человеческих пороков, зачастую
ставящих литературного героя перед выбором либо не оставляя его.

Под понятием «иллюзия неодинокства», как общим названием для
произведений, вошедших в сборник, подразумевается очевидная не-
обходимость размышления о себе, когда призма обыденного изымается
из системы ценностей, оставляя читателя один на один с самим собой.

ISBN 978-5-00025-185-0

*Автор выражает слова благодарности и признательности
своей сестре, Александре Сергеевне Петруше, за помощь
в редакции текстов и придании им аутентичности,
свойственной тематике произведений.*

© Лазарев А., 2019

© Сергеев А., рецензия, 2019

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2019

Книга издана в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разреше-
ния владельцев авторских прав.

Рецензия на книгу Андрея Лазарева «Иллюзия неогиночества»

Современный книжный мир — безбрежен. Нельзя сказать, что в нем есть все: возможно, чего-то мы в нем и не встретим. Однако этот мир книг оказывается в состоянии поместить и вместить в себя все что угодно: разные темы, разные жанры, разные сюжеты и еще много-много разного. И здесь трудно не потеряться.

Андрей Лазарев стремится говорить со своим потенциальным читателем о традиционных вещах, о которых уже сказано немало. Причем сказано авторитетными и получившими заслуженное признание людьми. Речь идет о добре и зле, свете и тьме, чистоте и грязи, прекрасном и безобразном. О противостоянии этих сил сказано, пожалуй, уже так много, что трудно всерьез сказать нечто новое.

В рассказах, помещенных в книгу, и в повести «Интеграция» автор берет на себя ответственность говорить именно об этом и стремится показать, как человек оказывается границей и местом противостояния таких сил. Делает он это обстоятельно и со знанием дела, как поживший и продумавший содержание своей жизни человек. И речь идет не о *happyend*-е и не о том, что всегда побеждает доброе, светлое и честное начало.

Автору удается показать падение и погружение людей на самое дно, а точнее — раскрыть бездонность распада, связанного с тем, что темное начало, так же как и начало светлое, может захватывать и вбирать в себя всего человека.

Однако встает вопрос о том, на что может надеяться человек, погружаясь в бездонное, и может ли он при этом вообще на что-то надеяться. Вопросом остается и то, что остается человеку.

Андрей Лазарев показывает, как непросто происходит очеловечивание и внутреннее выпрямление человека, так же как показывает и то, что в процессе возврата к жизни, а точнее — к себе самому

надеяться фактически не на что. Единственное, что остается, так это научиться самому выбираться из созданного тобой же положения и преодолевать себя. И здесь важнейшими координатами обратного пути становятся одиночество, поступок и светлые воспоминания человека о детстве и отрочестве.

Одиночество понимается как непреходящий и неотъемлемый момент обращения человека к себе и в свою сторону, в сравнении с которым все остальное раскрывает себя как фикция и иллюзия. Поступок становится моментом концентрации и переломной точкой совершающегося поворота. Воспоминания о наполненных светом детстве и юности связываются с осознанием, что они-то и были временем рая. Андрей Лазарев еще раз показывает, что рай всегда осознается нами в своей утрате: будучи в раю, мы не знаем об этом и, более того, стремимся вырасти и поскорей его покинуть. А когда понимаем это, осознавая и опознавая такие места и времена, дававшие нам силу и радость, в своих воспоминаниях как рай, то понимаем, что их мы уже утратили.

Хочется пожелать читателю проникнуть в авторский замысел, который, возможно, позволит понять в себе что-то важное и значимое. Хочется также пожелать автору новых идей и их воплощений в других текстах.

Сергеев Андрей Михайлович
доктор философских наук, профессор

дай мне, Господи, сил на столетия.
дай мне смелости в один шаг
преступить ту черту, где в ответе я.
где я жил — черт те знамо как.

рви гармоника запропавшая,
раздувайся мехами влет.
чтоб судьбина — кобыла лядащая
снулой рыбою нас в перемет
не сложила, не продуванила —
целины непочатый край.
не законами, но по правилам
отмостить бы дорогу в рай.

а когда вдруг убудет, но вспомнится
то святое, что нес в груди —
сквозь распутицу да бессонницу
пуще прежнего сбереги.

ИНТЕГРАЦИЯ*

Повесть

---

* Integration — процесс, с помощью которого части соединяются в целое; на личностном уровне — состояние организма, когда все составляющие элементы индивида, его черты или качества действуют согласованно, как единое целое.

Глава 1

Остров

Колеса трамвая выдавливали грязно-ржавую жижу из колеи рельс. Меланхоличные трамвайные звонки, казалось, с натугом разрывали свинцовую хмурую упавшей серой пелены, пробиваясь отголосками через вязкий и плотный туман.

Егор щелчком отстрелил смятый окурок в направлении урны. Не попал. Отскочив от стенки, хабарик срикошетил напрямиком на лоснящуюся блеском брючину. Идущего скорым шагом крупного мужчины.

Не дожидаясь очевидного, Егор припустил через мостовую, осклизаясь на трамвайных путях стоптанными башмаками, обогнул пару черных джипов, окончательно разъехался ногами по брусчатке и крепко приложился головой об колдезный люк. С искрами из глаз. Как в сказке.

* * *

Вздвогнув, Егорча очнулся из кошмара в явь. Над головой привычно нависал дощатый потолок с набитыми мхом пазами. Доска пятидесятка, уложена плотно. Поверх мха для пущего тепла слой мелкого песка сантиметров в двадцать.

Однако заметно повыветрило за ночь. Избушка старая, просела со временем. Вон и дверь уже шоркает об косяк, напоминает о себе.

Пора, пожалуй, и подтопить. Под утро самое то. Для сугреву.

В печи была хитрость. Специально сотворенная. Обычная плита с отсеком для готовки и духовкой. Духовка за давностью лет выгорела и служила добавочным коленом под тягу. Хитрость заключалась в том, что перед тем как запа-

лить поленья в основной топке, следовало, приподняв кольца над духовкой, просунуть сверток бересты напрямик под трубу.

Только в том разе пламя, загудев, уходило из топки через духовку в самый низ печи, вырываясь искрами после в высоко выпущенную трубу над крышей.

Егорча привычно подпалил берестяной сверток, скоро подсунул его под трубу и тут же запалил лучиной расщепленный смоляк в топке. Уже через пять минут изба освещалась всполохами пламени из чуть приоткрытой дверцы, а завываниям ветра снаружи вторило уютное гудение печурки. За окном рваными кусками стелился предрассветный туман, обволакивая склонившиеся книзу тяжелые еловые лапы.

Место было глухое. Из-за обилия поваленных штормовыми ветрами с озера вековых елей остров назывался «Медвежий» или «Кархусаари». «Кархушуари» на местном диалекте. На зиму под вывороченными корнями укладывались на спячку медведи. Отсюда и название. Одна, а то и две берлоги каждый год. Медведей били местные. Обычно в январе, феврале по озеру приезжали на буранах к заранее выведенным берлогам. Били с «калашей», вовремя выкупленных у ушлых прапоров с расформированной семь лет назад погранцовской части.

Весной, бывало, местные загоняли по насту лосей, наполняя лес треском буранов и отрывистыми хлопками карбинных выстрелов. Видимо, благодаря этим промыслам, да и тому, что места были глухие, дикие, наведывались по льду на остров и волки, привлеченные запахами свежей крови.

Егорча, убаюканный теплом, заново задремал. За окном слоились предутренние сумерки.

Очередной сон, невнятный, сквозь дрему. Егорча, в то время еще Егор Балазейкин, менеджер отдела оптовых продаж, нервничает, суетливо вертится в ожидании. С обратным откатом обычно всегда так. Сидишь, втихую высчитываешь проценты, выходишь из офиса договариваться со снабженцем по мобиле. Потом обоснование демпинга, служебная записка в отдел безопасности и финансового контроля. Подписи, визы, накладные, расчетные листы. И долгожданный дележ обычно где-нибудь возле метро.

Новый заместитель начальника отдела копал под Егора давно. Так глупо попасться на отчетности. Кто же мог знать, что откатные схемы с недавних пор фиксировались в экселевском файле отдельно от всех менеджеров. Погорел Егор Балазейкин на банальной жадности, оборзев в снижении процентной наценки. И вот он, «ковер», после контрольного мониторинга переданных клиентов.

Начальник службы безопасности Тихомиров Павел Сергеевич. Замначальника отдела оптовых продаж Соболев Александр Сергеевич. Коммерческий директор Степунов Борис Федорович. Сидят в переговорной. Перед ними стоит Егор.

— Триста тысяч, Егор, возмещать будешь налогом, лично Павлу Сергеевичу под приходные ордера. Мы не звери, поэтому сроку тебе две недели. Трудовая пока у нас. По какой статье будешь уволен, решит генеральный.

— Я, Борис Федорович, это ошибка какая-то, правда. Они действительно всегда по бонусам работали, еще с прошлого года.

— Егор, они-то работали. Ты только уже десять минут не можешь нам объяснить, почему эти бонусы выросли в два раза за последние три месяца. Притом что объемы отгрузок те же, контактные лица те же. А контрольный звонок началь-